

A stork is shown in flight, carrying a large bundle on its back, against a backdrop of rugged, rocky mountains under a bright blue sky. The stork is positioned in the upper right quadrant of the image. The text is overlaid on the scene.

Джон Китс

(Keats, John)

(1795–1821)

самый молодой из крупнейших английских стихотворцев эры романтизма. Просторное признание пришло к нему лишь после выхода в свет (1848) его автобиографии и издания сочинений.

Уродился 31 октября 1795 в Финсбери, северной части Лондона; взрослый брат Т. Китса, труженика на платной клоаке, потом ее правителя – после женитьбы на доченьки обладателя. У Джона было трое сынов (один из них преставился в младенчестве) и сестренка. Папа Китса погиб в апреле 1804, мама всего через десять недель повторно вышла замуж, и мальчики вырастали десять сезонов в основном под заботой повитухи со сторонки матери. Мама Китса преставилась в 1810 от чахотки, которая впоследствии свела в могилку всех ее братьев.

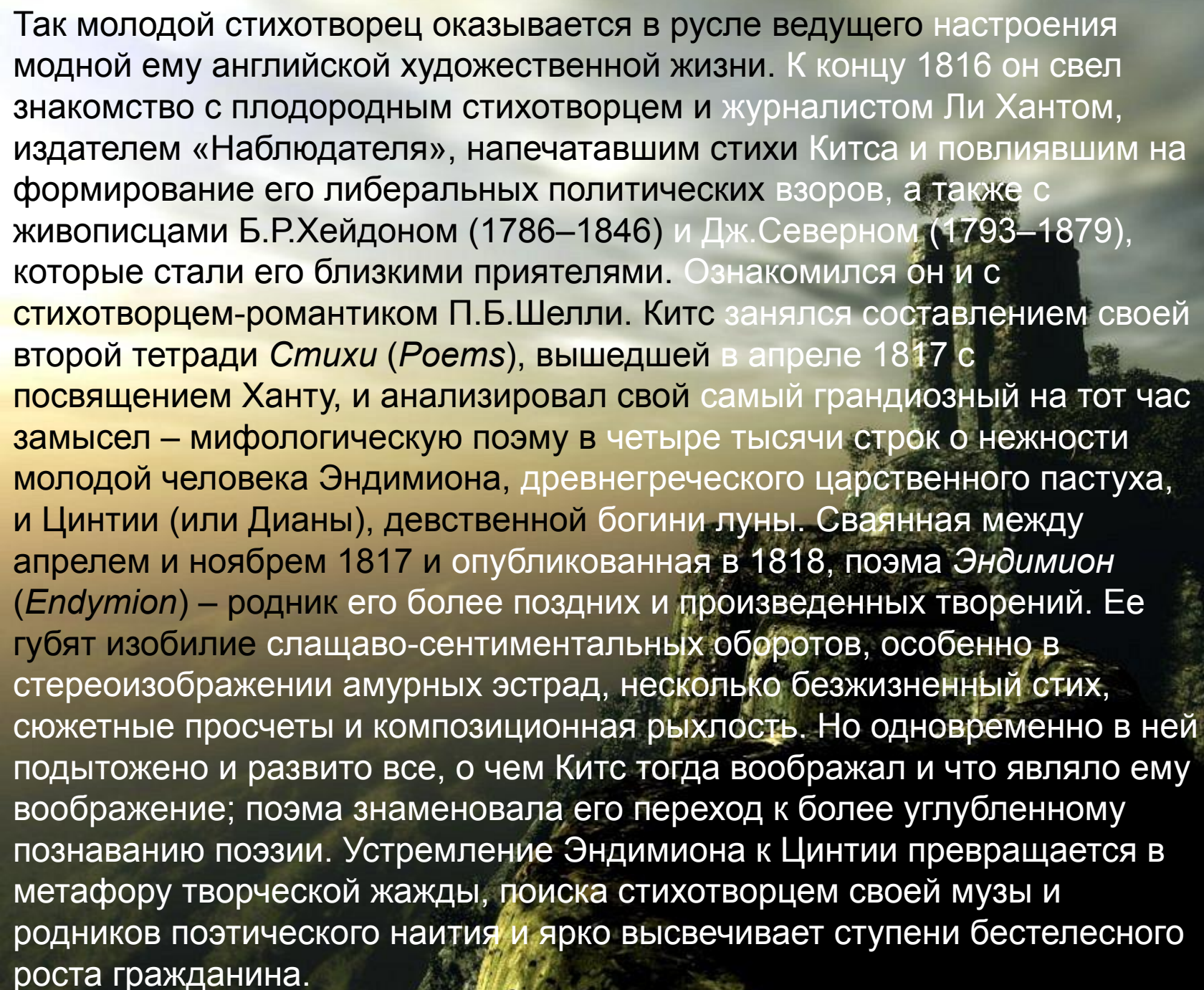

В 1803–1811 Китс учился в школе в соседнем Энфилде. В 1811 он на четыре сезона определился в абитуриенты к хирургу. Эти сезоны отмечены повышающимся вопросом к поэзии; свое второе стихотворение он написал в 1814. В 1816 он отдал экзамены на доктора и фармацевта, но именно с этим сезоном связано происхождение его становления как стихотворца. В мае Китс впервые опубликовал свое стихотворение, сонет *К одиночеству*, и в этом же сезону написал еще несколько сонетов и два внушительных стихотворения: *Я вышел на пригорок – и замерз* ($\frac{1}{4}$) и *Сон и Поэзия*. Спустя сезон он решительно отвернулся от медицинской карьеры.

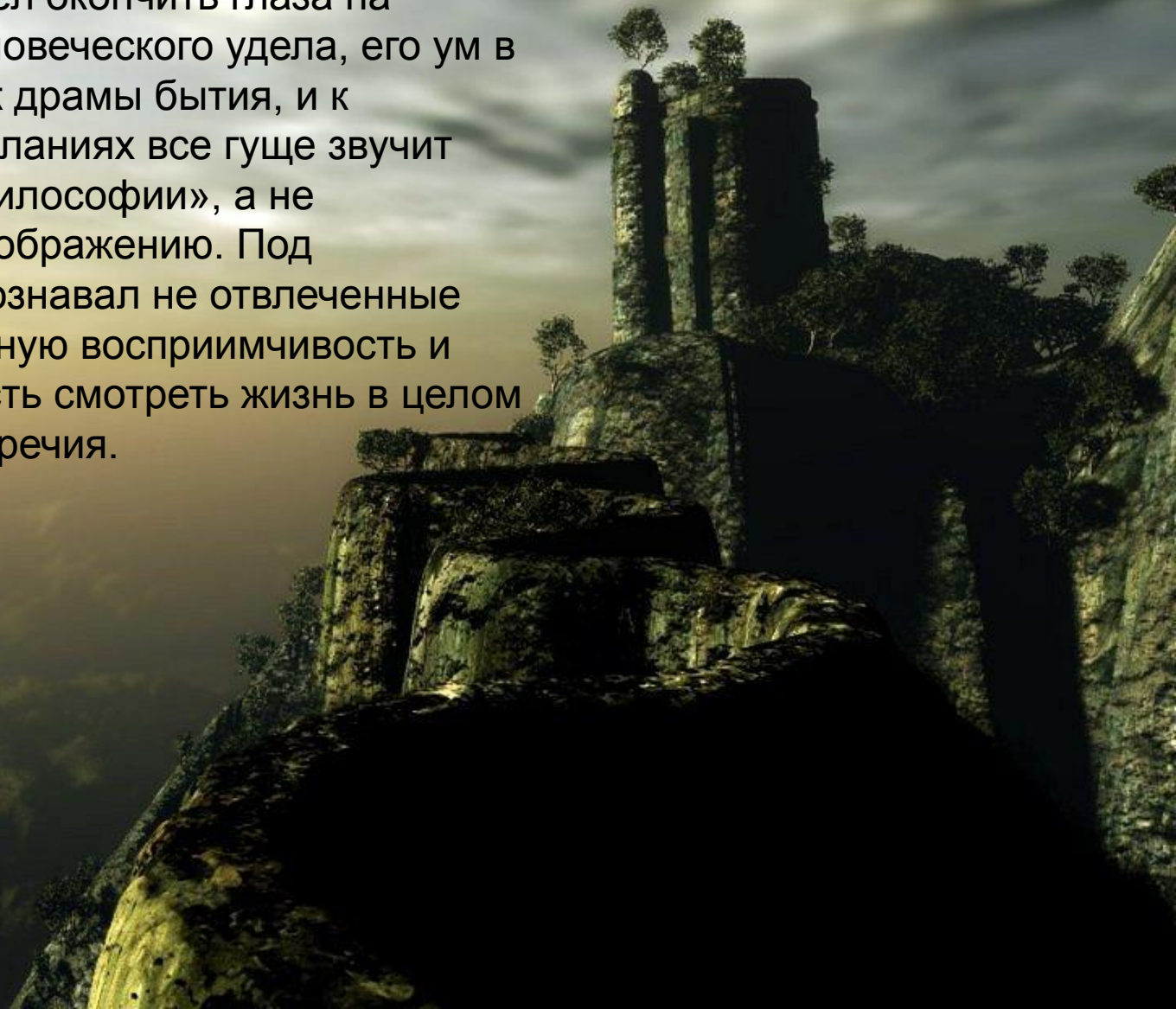
С этого времени жизнь Китса неотделима от поэзии. Второй этап его творчества лучше всего мыслят упомянутые внушительные стихотворения 1816, навеянные тесным общением с природой. Но при всем имуществе описаний природы поэтический сюжет стихотворения едет по веренице ассоциаций, обращающих внимание чтеца на творческие способности человеческого разума. Здесь воображение выступает быстрее как созидающее и провидческое, нежели просто копирующее природу.

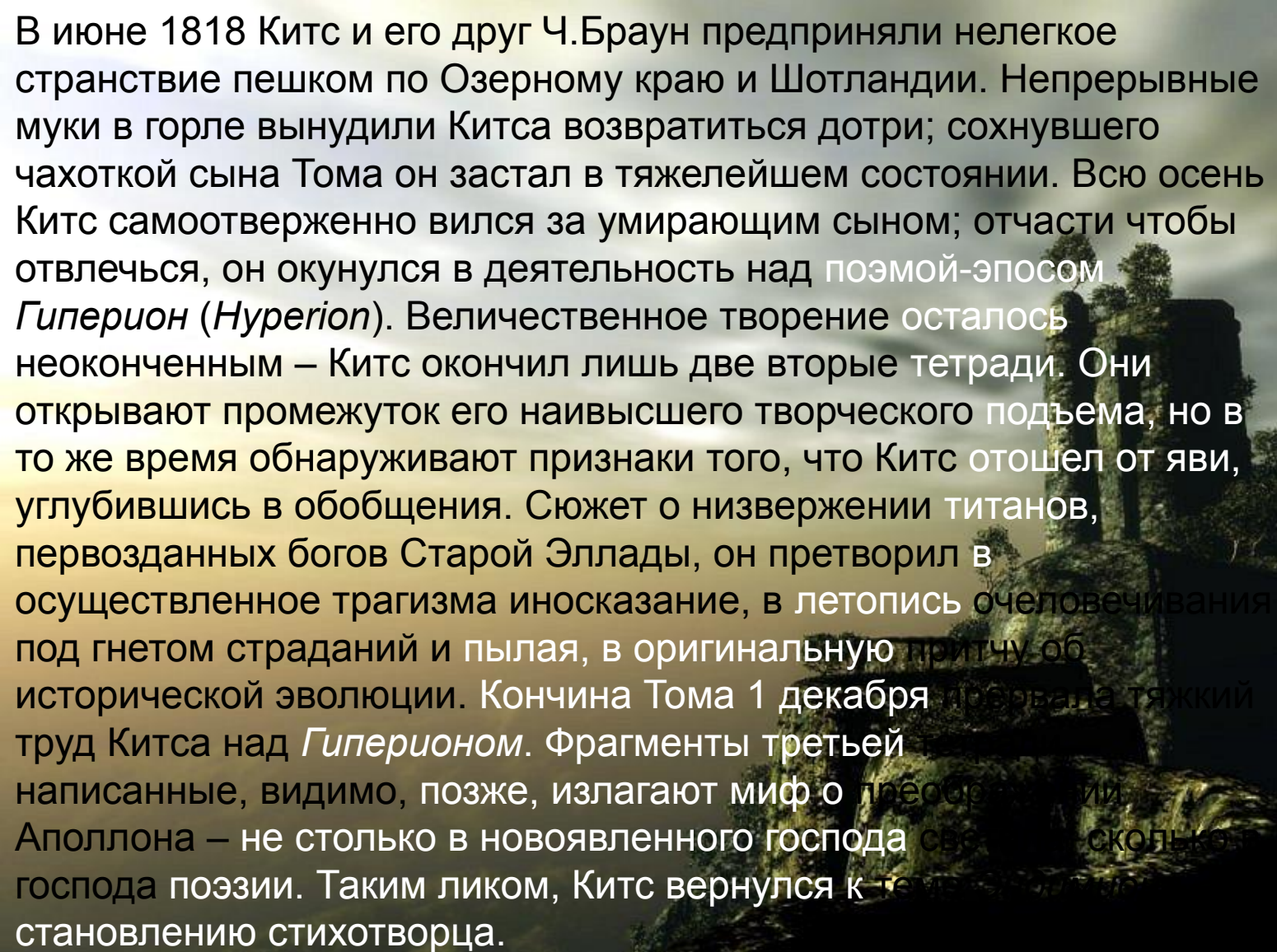

Так молодой стихотворец оказывается в русле ведущего настроения модной ему английской художественной жизни. К концу 1816 он свел знакомство с плодородным стихотворцем и журналистом Ли Хантом, издателем «Наблюдателя», напечатавшим стихи Китса и повлиявшим на формирование его либеральных политических взглядов, а также с живописцами Б.Р.Хейдоном (1786–1846) и Дж.Северном (1793–1879), которые стали его близкими друзьями. Ознакомился он и с стихотворцем-романтиком П.Б.Шелли. Китс занялся составлением своей второй тетради *Стихи (Poems)*, вышедшей в апреле 1817 с посвящением Ханту, и анализировал свой самый грандиозный на тот час замысел – мифологическую поэму в четыре тысячи строк о нежности молодой человека Эндимиона, древнегреческого царственного пастуха, и Цинтии (или Дианы), девственной богини луны. Сваянная между апрелем и ноябрем 1817 и опубликованная в 1818, поэма *Эндимион (Endymion)* – родник его более поздних и произведенных творений. Ее губят избыток слащаво-сентиментальных оборотов, особенно в стереоизображении амурных эстрад, несколько безжизненный стих, сюжетные просчеты и композиционная рыхлость. Но одновременно в ней подытожено и развито все, о чем Китс тогда воображал и что являло ему воображение; поэма знаменовала его переход к более углубленному познанию поэзии. Устремление Эндимиона к Цинтии превращается в метафору творческой жажды, поиска стихотворцем своей музы и родников поэтического наития и ярко высвечивает ступени бестелесного роста гражданина.

Стихотворения, написанные следом за *Эндимионом*, рассказывают, что творческое воображение Китса было в большей мере склонно к болям самосознания, чем к удачам выхода в запредельное: он не умел окончить глаза на безбожные аксиомы человеческого удела, его ум в равной мере тяготел и к драмы бытия, и к мистическому. В его посланиях все гуще звучит похвала «знанию» и «философии», а не впечатлительности и воображению. Под «философией» Китс осознавал не отвлеченные суждения, а благоразумную восприимчивость и искренность, возможность смотреть жизнь в целом и принимать ее противоречия.

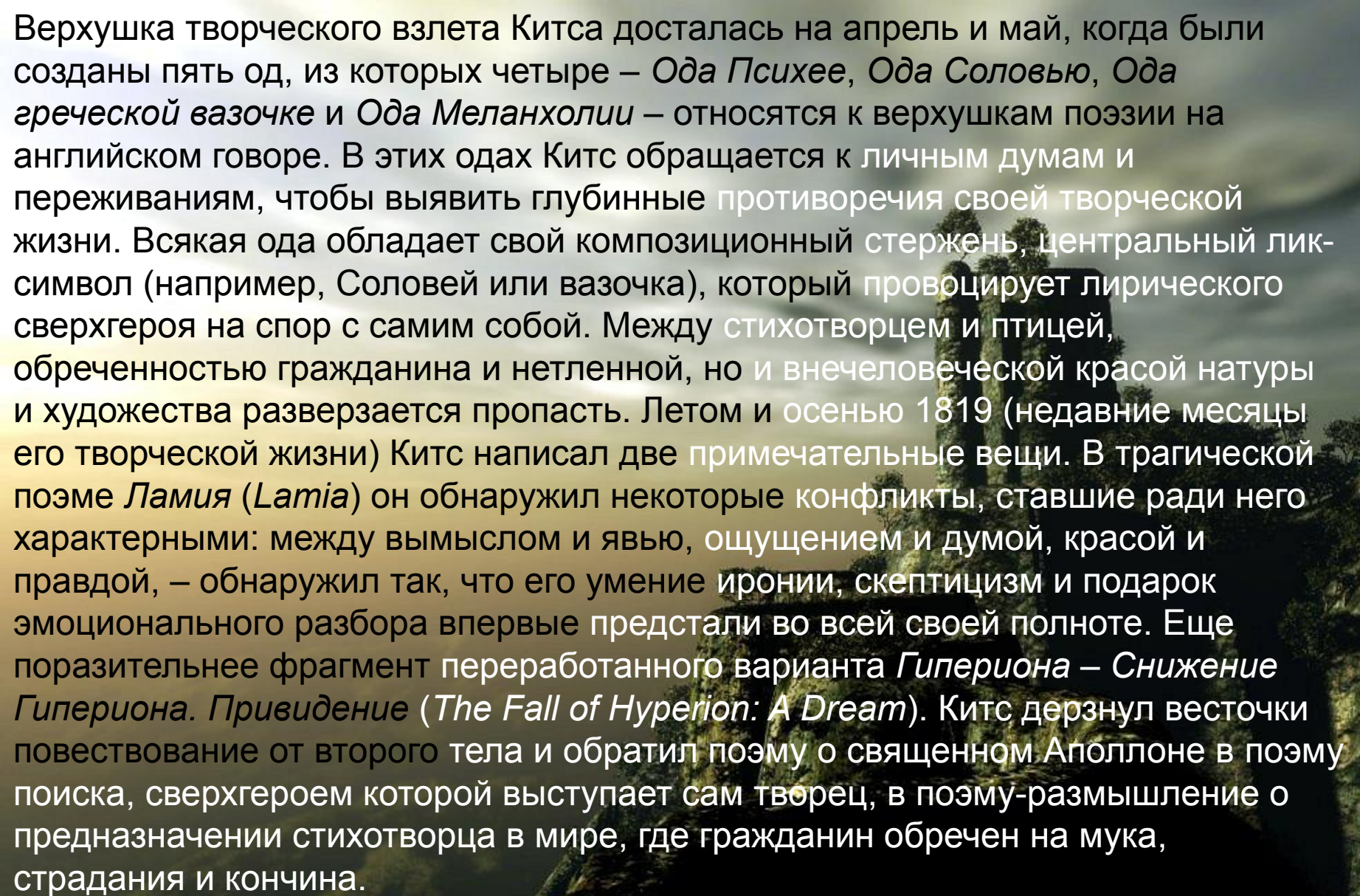

В июне 1818 Китс и его друг Ч.Браун предприняли нелегкое странствие пешком по Озерному краю и Шотландии. Непрерывные муки в горле вынудили Китса возвратиться дотри; сохнувшего чахоткой сына Тома он застал в тяжелейшем состоянии. Всю осень Китс самоотверженно вился за умирающим сыном; отчасти чтобы отвлечься, он окупился в деятельность над поэмой-эпосом *Гиперион (Hyperion)*. Величественное творение осталось неоконченным – Китс окончил лишь две вторые тетради. Они открывают промежуток его наивысшего творческого подъема, но в то же время обнаруживают признаки того, что Китс отошел от яви, углубившись в обобщения. Сюжет о низвержении титанов, первоначальных богов Старой Эллады, он претворил в осуществленное трагизма иносказание, в летопись очеловечивания под гнетом страданий и пылая, в оригинальную притчу об исторической эволюции. Кончина Тома 1 декабря оборвала тяжкий труд Китса над *Гиперионом*. Фрагменты третьей тетради, написанные, видимо, позже, излагают миф о преображении Аполлона – не столько в новоявленного господи светов, сколько в господи поэзии. Таким ликом, Китс вернулся к теме, свойственной становлению стихотворца.

Первая середина 1818 знаменательна еще двумя событиями в жизни Китса. Изданный в апреле *Эндимион* подвергся нападкам рецензентов ведущих литературных журналов, что впоследствии породило умилительную легенду, будто Китса «убили» разгромные рецензии. Той же осенью Китс ознакомился с восемнадцатилетней Фанни Броун и сразу в нее втюрился. Эта влюбленность отраженным светом свалилась на его лучшую романтическую поэму *Канун Святой Агнессы* (*The Eve of St. Agnes*, 1819), осуществленную тепла и радостных красочек, но и омраченную тенью темноты, бесчеловечности, порчи, трагической развязки, которой едва избежали сверхгерои.

Верхушка творческого взлета Китса досталась на апрель и май, когда были созданы пять од, из которых четыре – *Ода Психее*, *Ода Соловью*, *Ода греческой вазочке* и *Ода Меланхолии* – относятся к верхушкам поэзии на английском языке. В этих одах Китс обращается к личным думам и переживаниям, чтобы выявить глубинные противоречия своей творческой жизни. Всякая ода обладает своей композиционной стерженью, центральным лирическим символом (например, Соловей или вазочка), который провоцирует лирического сверхгероя на спор с самим собой. Между стихотворцем и птицей, обреченностью гражданина и нетленной, но и внечеловеческой красотой природы и искусства разверзается пропасть. Летом и осенью 1819 (недавние месяцы его творческой жизни) Китс написал две примечательные вещи. В трагической поэме *Ламия (Lamia)* он обнаружил некоторые конфликты, ставшие ради него характерными: между вымыслом и явью, ощущением и думой, красотой и правдой, – обнаружил так, что его умение иронии, скептицизм и подарок эмоционального разбора впервые предстали во всей своей полноте. Еще поразительнее фрагмент переработанного варианта *Гипериона – Снижение Гипериона. Привидение (The Fall of Hyperion: A Dream)*. Китс дерзнул весточки повествование от второго тела и обратил поэму о священном Аполлоне в поэму поиска, сверхгероем которой выступает сам творец, в поэму-размышление о предназначении стихотворца в мире, где гражданин обречен на муку, страдания и кончину.

После сентября 1819 Китс ничего значительного не сваял. Материальное его расположение ухудшилось по вине сына Джорджа. Он обручился с Фанни Броун, но надежды на быстрый союз не было. 3 января 1820 у Китса пошла горлом кровушка. Так начался сезон его, как он выразился, «посмертного существования». Китс поспел подготовить и выпустить (в июле) третью тетрадь стихотворений, куда влетела бóльшая доля его величественнейших творений, и в сентябре отплыл в Италию вместе с Дж.Северном, но биться с хворью было уже поздно. Недавние месяцы он ужасно маялся, его притеснял страх кончины, но больше всего терзали думы о Фанни. Китс скончался на руках у Северна 23 января 1820.

Работу выполнила
ученица 10"А" класса
Ананьева Надежда